

Шемякина А. В.

[ДЕРИТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/67.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 173-175. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

тылар» («Приехали помочь»), «Күршебез Камал апа» («Соседка Камал апа») направлены на формирование личности, на нравственное воспитание молодого поколения.

Искусственное упрощение произведений философско-публицистического характера, поверхность описываемых событий, отсутствие символических образов-деталей - особенность прозы Нура Ахмадиева. Наиболее значимо это направление в произведениях, где главной темой является воспитание детей. В этих юмористических и фантастических рассказах, повестях через простые, знакомые события и привычные образы-характеры автор легко добивается внимания юного поколения. В этом сказывается его жизненный опыт, не только теоретические, но и практические знания в области педагогики. Нур Ахмадиев точно знает, что больше всего трогает юные сердца, какая тропинка вернее ведет в закоулки юных душ, каким языком надо разговаривать с детьми и подростками. Поэтому эти рассказы и пользуются особым успехом у молодого поколения.

В рамках небольшой статьи нет возможности сделать фундаментальный анализ всего прозаического мастерства писателя. Необходимо отметить, что способность донести важную мысль через юмористические рассказы - яркая особенность творчества Нура Ахмадиева. Какие только достоинства и пороки нашей жизни ни выставлены на его поляне смеха в образах Камал апы, заведующей столовой, автора диссертации, приятелей, алкоголиков, семейства Бадретдиновых, путешествующий по Америке, - все они вызывают то добрую улыбку, то злую насмешку. В них чувствуется родственная близость с тонкой иронией Гамиля Афзала, изобличающеострый хохот Фаиля Шафигуллина. У Нура Ахмадиева шутливость серьезная, смех не ради смеха. Его смех - это оружие, используемое для высоких, благородных целей. В ней осознаешь тревогу автора за судьбу поколения, которое зачастую не может отличить черное от белого, заблуждается в поисках истины.

Автор побывал во многих странах мира: Турция, Румыния, Болгария, Египет и др., и впечатления от этих путешествий легли в основу как художественных, так и документальных произведений. В них он размышляет о современном мире, о разных моделях государств, о смысле жизни человека.

Словом, через чуткий жанр прозы автор умело, в ярких образах и сюжетных композициях, доносит до читателей те мысли и размышления, которым тесно в стихотворных рамках, которые требуют более широких масштабов повествования. Его мысли о времени и обществе, народе и нации, о бытии и человечестве, выраженные в стихах с соответствующей импульсивностью, болью, в прозе находят другую выразительность - более спокойную, плавно разворачивающуюся - и от этого не менее сильную. Поиск грядущего в современниках, в сегодняшней действительности, характерный для поэзии Нура Ахмадиева, находит успешное продолжение и в его прозе.

Список использованной литературы

1. Ахмадиев Н. Мальчик, ищущий солнце. - Казан: Татар. кн. издат, 1989.
2. Ахмадиев Н. Сколько на небе звёзд. - Казань: Татар. кн. издат., 1991. - С. 120.
3. Ахмадиев Н. Кремень. - Казань: Татар. кн. издат., 1991. - С. 80.
4. Ахмадиев Н. Собрание сочинений в 4-х томах. - Казань: Татар. кн. издат, 2001-2003 г.
5. Исхаки Т. Исчезновение через 200 лет // Мирас (Наследие). - 1997. - № 2. - С. 103.
6. Нигматуллин Э. Г. Раздвигая века и границы. - Казань: Татар. кн. из-во, 1978.
7. Ханипов Ф. Духовный мир героя. Психология в современной татарской прозе. - Казань: Татар. кн. из-во, 1981. - С. 296.
8. Сутаева З. Р. Жанровые особенности автобиографической и мемуарной прозы. - М., 1998.
9. Хузин М. Чистая душа. - Казань: Тат. кн. из-во, 1990. - С. 4.

ДЕРИТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Шемякина А. В.

Волжский гуманитарный институт Волгоградского государственного университета

На наш взгляд, анализ и классификация перформативных речевых актов по признаку их происхождения существенно дополняет социолингвистический анализ данного явления в рамках теории речевых актов и теории дискурса. Поскольку в основе появления символически регламентированных ситуаций могли изначально лежать вера, суеверия и обычаи, поэтому мы выделяем обрядово-ритуальные, языческие и этикетно-ритуализованные перформативные речевые акты.

В основании социокультурологического объяснения происхождения перформативного акта лежит признание перформативного характера всего языка. Э. Ганс предлагает «первоначальную порождающую схему», которая составляет человеческую способность к репрезентации и является имплицитным остатком во всех конкретных (частных) фреймах языкового употребления [Gans 1986: 53]. Согласно гипотезе Э. Ганса минимальное условие, необходимое, чтобы появился язык, состоит как в осознании каждым участником прерванных и свернутых захватнических действий другого, так равно и в создании момента общинного присутствия. Так, в момент зарождения речевого акта его действие было непосредственной реакцией на надвигающуюся опасность для социума (ср. с жертвоприношением в примитивных ритуальных и эстетически-культурных репрезентациях [Girard 1977]). В этом случае констативные высказывания легче объяснить как высоко эволюционный отросток базового перформативного (то есть прагматичного и общественного) упо-

ребления языка. Условия успешности перформативных речевых актов основаны на остенсивной природе ритуала. Язык здесь может оперировать только в присутствии важных, или в случае ритуальных, - священных, сакральных объектов. Этим объясняется тот факт, что почти все первоначальные примеры перформативных речевых высказываний Дж. Остина имеют ритуальное происхождение. На основе высказанной Э. Гансом гипотезы [Gans 1986: 53] и предположении о родовой, основополагающей природе перформативных речевых актов в данной работе предлагается классификация перформативных речевых высказываний по признаку их происхождения. Мы полагаем, что язык начинался как перформативные действия, функция которых состояла в создании, совершении или изменении переживаемой и сверхценностной для всей общины социальной ситуации.

Дополнив социообразующий характер перформативных речевых актов характеристикой сверхценности их выполнения для социума, мы приходим к определенным выводам, касательно относительности отстраненности перформативного действия от индивида.

Во-первых, он может искренне использовать перформативный речевой акт, переживая его сверхценность, или может лишь продемонстрировать переживание сверхценности, для того чтобы подтвердить свою принадлежность социуму, и не быть изгнанным из него. Во-вторых, он может одновременно при произнесении перформативного речевого действия иметь целью передачу собственных эмоций и переживаний, собственных отношений к производимому действию.

Соответственно, с позиций прагматического анализа серьезности versus несерьезности дискурса и жанра, перформативные речевые акты могут быть не только действительными, но и недействительными, показными. При реализации последних все собеседники осознают искусственность речевой ситуации и негласно соглашаются участвовать в ней, осознают истинностную двусмысленность речевой ситуации и преследует некоторые имплицитные цели.

Представим бытовую ситуацию. Мама всем своим видом демонстрирует, что обижена на дочь. Папа, обращаясь к дочери: «Смотри, мама обиделась. Надо бы попросить у нее прощения». Дочь (недовольно): «Извини». Мама: «Кто же так прощения просит, как отделаться хочешь». Дочь (тем же тоном): «Извини, пожалуйста». Папа: «А теперь пожмите руки и обнимитесь». И лишь после этого происходит настоящее примирение.

Ритуал извинения двояк: с одной стороны, он предполагает искреннее раскаяние, эмоциональное переживание содеянного, с другой стороны, данный речевой акт статусно-ориентирован. Произнося данный речевой акт, можно подчеркивать или искренность переживаний, или социальную необходимость. Демонстративность извинения имеет целью проявление уважения и подчинения. Очевидно, что перформативные высказывания дочери являются не ритуалом извинения, а скорее демонстрируют подчинение. Она подчеркивает, что также обижена, и ее обида не прошла. Ребенок часто хочет примирения, но поведением, в том числе речевым, подчеркивает свое нежелание участвовать в общении в статусно более низком положении, поэтому в приведенном примере реальное примирение происходит лишь, когда дочь и мама переходят в общение на равных.

Имплицитная цель обмена репликами состоит в том, чтобы продемонстрировать хорошее отношение друг к другу, указать на их желание говорить, установить статусные отношения и так далее [Levinson 1983].

Предположим, Женя и Гена, два друга и серьезных соперника, соревновались на скачках, и Гена выиграл. Предположим, что после соревнования Женя поздравляет Гену. Поскольку поздравления указывают на радость за собеседника [Bach, Harnish 1979], то они оба понимают, что этот жест всего лишь притворство. У Жени не может быть однозначных чувств, так как он не может быть безоговорочно рад, что Гена его победил, но в то же время рад за Гену по-дружески, независимо от того, как это отражается на нем. Гена должен в ответ принять поздравление, иначе он рискует обидеть Женю. Имплицитно Женя выражает свое уважение к способности Гены и показывает, что он не обижен и не злится.

Как мы видим, говорящий может искренне сопереживать ценности и важности для социума перформативного действия, а может быть неискренним при произнесении перформативного речевого акта и лишь продемонстрировать свою социальную идентичность, принадлежность социуму.

Институционально-ритуальные перформативные речевые акты, приобретая качество демонстративности, приведут в обязательном порядке к деритуализации рассматриваемого жанра и дискурса. Стирание искренности переживания при выполнении заклинательного (и реже ритуального) перформативного речевого акта ведет к переходу данного перформативного акта в группу обиходно-ритуализованных перформативных актов.

Так, этимологически «спасибо» имеет религиозные корни и представляет собой сжатие фразы «Спаси тебя Бог», которая от своей современной формы и значения отделена тремя этапами: речевой акт молитвы - прямой перформативный акт пожелания «Спаси Христос/Бог» - перформативный акт благодарности «Спасибо».

В большей степени характеристика демонстративности может накладываться на обиходно-ритуализованные перформативные речевые акты, особенно на те речевые действия, которые формируют центр поля перформативности, то есть на максимально эксплицитные формы (чаще с глаголом-перформативом). Объясняется это тем, что фразеологические и снижено сленговые перформативные акты ориентированы на личностно-ориентированный бытовой дискурс. Для них первична эмоционально-

личностная составляющая, они в первую очередь должны быть искренне переживаемы, чтобы их произнесение выполняло главному условию коллективной успешности.

Другими словами, конвенциональное употребление предполагает коллективную договоренность, признаваемую всем обществом, и, следовательно, некоторую отстраненность от конкретного индивида. Человек со своими эмоциями, интенциями вытесняется из перформативных высказываний. Следовательно, можно сделать вывод, что в тех прагматических ситуациях, где коллективные (общинные) отношения выходят на первый план и четко оговариваются ради сохранения общества, где каждый индивид, если он намерен оставаться представителем общества, должен ощущать себя и быть частью целого механизма, перформативные высказывания желательны и даже обязательны.

Список использованной литературы

1. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17. Теория речевых актов. - С. 22-129.
2. Bach K., Harnish R. M. Linguistic Communication and Speech Acts. – Cambridge: Mass. MIT Press, 1979. - 327 p.
3. Gans U. Sacred Text and Secular Culture // To Honor Rene Girard. - Saratoga: Anma Libra, 1986. - P. 51-46.
4. Girard R. Violence and the Sacred / Trans. Patric Gregory. - Baltimore: Johns Hopkins UP, 1977. - 451 p.
5. Levinson S. Pragmatics. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983. - 420 p.

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *IDIOT* В ПЕРЕВОДНОМ ВАРИАНТЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Ширишков В. Б.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Цель данного исследования состоит в описании концепта *idiot* в английском переводе и сопоставление способов лексико-семантической репрезентации (вербализации) концептов в двух текстах. При этом такой подход (сравнение перевода и оригинала) будет иметь ценность для различных филологических дисциплин: теории перевода, контрастивной лингвистики, лексической семантики, лексикографии и прикладной лингвистики.

Следует сказать, что работа по сравнению переводов романа Ф. М. Достоевского «Идиот» с русского на немецкий (всего их насчитывается около двадцати) осуществляется в Австрийской академии наук в Вене в рамках проекта «Корпус Австрийской Академии» [Добровольский 2004: 289].

Мы знакомы с двумя переводами романа «Идиот» на английский язык, однако в настоящей работе будем использовать только один, выполненный Евой Мартин (Eva Martin).

Как и в русском языке, английская лексема «*idiot*» имеет два значения: 1) *a person affected with idiocy; especially, a feeble-minded person having a mental age not exceeding three years and requiring complete custodial care* - человек, страдающий идиотией, слабоумный, особенно тот, чье умственное развитие не превышает развитие трехгодовалого ребенка и кто нуждается в постоянном уходе, 2) *a foolish or stupid person* - глупый, тупой человек (MWCD). Первое значение слова в оксфордском словаре имеет более общую характеристику: *a person of extremely low intelligence* - человек с чрезвычайно низким интеллектом (OX).

Как и в русском языке, в английском тексте нам нужно найти все лексико-семантические варианты, реализующие концепт *idiot* в двух параллельных плоскостях: умственной врожденной болезни и ментальной ограниченности.

Концепт *idiot* вербализуется в романе с помощью следующих слов и словосочетаний: *idiot* (*идиот, дурак*), *fool* (*дурак, глупец*), *foolery* (*дурачество*), *mad* (*сумасшедший*), *insane* (*душевнобольной, безумный*), *epilepsy* (*эпилепсия*), *to go cracked* (*рехнуться*), *to be crazy about* (*быть помешанным на чем-либо*), *to drive a man crazy* (*свести с ума*), *simple-minded* (*тупой, слабоумный*), *simple* (*простой*), *touched* (*тронутый*), *mania* (*мания*), *lunatic asylum* (*сумасшедший дом*), *little fool* (*дурачок*), *fits* (*припадки*), *go mad* (*сойти с ума*), *illness* (*болезнь*), *thoughtless* (*легкомысленный*), *madman* (*помешанный, сумасшедший*), *to be delirious* (*бредить*), *fury* (*бешенство*), *rage* (*ярость*), *hypochondria* (*ипохондрия*), *furiously* (*неистово*), *violently* (*яростно*), *ecstasy* (*иступление*), *madwoman* (*сумасшедшая*), *frenzy* (*безумие, бешенство*), *rage* (*ярость*), *nonsense* (*вздор*), *rubbish* (*чепуха, ерунда*), *stupid* (*глупый, глупец, глупо*), *stupidity* (*глупость*), *absurd* (*абсурд*), *delirium* (*бред*), *foolishness* (*глупость, дурь*), *eccentric* (*странный*), *childish* (*ребяческий*).

Лексема «*idiot*» (и ее грамматические варианты) встречается в романе пятьдесят два раза, что на четыре единицы больше, чем в русском тексте и является именем концепта. Помимо этой лексемы ближе к центру концепта находятся прилагательные: *stupid, simple-minded, crazy, mad, touched*; существительные, обозначающие лиц с умственными ограниченными способностями и лиц имеющих отклонения в развитии мозга: *idiot, fool, insane, little fool, madman, madwoman*; существительные, обозначающие опредмеченный признак: *foolery, foolishness, stupidity*; глаголы и словосочетания, указывающие на отсутствие способности к мыслительной деятельности: *to go cracked, to drive a man crazy, to go mad*.

К периферии концепта относятся лексемы, ассоциативно связанные с концептом *idiot*: прилагательные *simple, thoughtless, eccentric*; существительные, обозначающие опредмеченный признак: *rage, fury, ecstasy, nonsense*; наречие: *furiously, violently*; прилагательные, характеризующие поведение и уровень развития мышления человека: *childish*; как и в русском тексте, в английском используется медицинская терминология